

Время шло, и Большой зал постепенно заполнялся людьми. Однако первыми пришли не студенты, а сотрудники Хогвартса. Похоже, они уже были осведомлены о существовании Тьюэлла, так что его появление в Большом зале не вызвало удивления. Но их отношение к происходящему было иным. Женщина с длинными волосами, одетая скорее как маггл, чем кто-либо другой из присутствующих, бросила на Тьюэлла быстрый взгляд и, проходя мимо, фыркнула. — Не обращайтесь на нее внимания. Профессор Бербидж преподает маггловедение и просто мало что понимает в Дурмстранге, — улыбнулся профессор ростом около метра, глядя на Тьюэлла. — Я — Фоули, профессор трансфигурации в этой школе. — Тевелл Фоули, — сказал Тьюэлл, слегка присев на корточки, чтобы поговорить с профессором Фоули. — Значит, вы знакомы с моей альма-матер? Профессор Фоули тут же разразился хохотом. — Я уже бывал в Дурмстранге по обмену и на учебе, в основном для изучения дуэльных приемов, но я также узнал о вашем отношении к магглам, которое действительно отличается от слухов. — Вы только запрещаете студентам маггловского происхождения посещать школу. На самом деле, если не считать этого человека, вы не дискриминируете магглов. — По сравнению с некоторыми людьми в Британии, ваши идеи уже довольно хороши. Тьюэлл был здесь не для того, чтобы исправлять заблуждения людей. В конце концов, Дурмстрангу было наплевать на мнение других, поэтому он позволял им заблуждаться. Его больше интересовало то, о чем начал говорить профессор Фоули. — Похоже, вы весьма искусны в дуэлях. В Дурмстранге редко проводятся внешние обмены, так что тот факт, что вы смогли туда поехать, говорит о том, что школа признает ваши способности. — Это все в прошлом, — махнул рукой профессор Фоули. — После победы на чемпионате дуэльного клуба Хогвартса, а тем более после преподавания в школе, времени на тренировки почти не остается. — Но я знаю, что вы — самый выдающийся выпускник Дурмстранга за последние годы. Как насчет этого? У вас есть время на дружеский поединок? Рука профессора Фоули нетерпеливо дернулась, на лице появилась возбужденная улыбка, словно внутри него копилось многолетнее предвкушение. — Я с нетерпением жду возможности поучиться у вас, — сказал он. Мышцы Тьюэлла тоже дрожали от волнения. В Дурмстранге редко встречались противники, способные доставить ему удовольствие в бою после пятого класса. Ему не терпелось испытать всю свою силу, не полагаясь на определенную магию. Пока эти двое с похожими интересами продолжали болтать, Фоули коротко представил присутствующих сотрудников. — Хагрид — наш смотритель, но сейчас он проводит новых учеников через Черное озеро, так что он еще не вернулся. Тьюэлл кивнул, как будто он был новичком и мог увидеть в этих профессорах тени своей прошлой жизни. Профессор Снейп действительно был мрачен, его глаза были безразличны, словно на них была маска, скрывающая его мысли. Когда он взглянул на Тьюэлла, его глаза дрогнули, а затем он слегка изогнул губы, едва сумев изобразить улыбку. — Надеюсь, вы видите суть студентов, а не просто глупо машете палочками, — заметил Снейп. — Ни один студент не рождается со знанием магии; все мы начинаем с глупого размахивания палочками, не так ли? — вежливо отмахнулся Тьюэлл. То, что новый профессор, всего на несколько лет старше студентов, осмелился так разговаривать со Снейпом, произвело впечатление на профессоров за преподавательским столом. Улыбка Снейпа слегка расширилась. — Тогда я желаю вам более гладкого преподавания. — Спасибо, я постараюсь. Отношение профессоров к Тьюэллу немного улучшилось, и все затянувшиеся предубеждения из Дурмстранга развеялись, за исключением профессора Бербиджа, который оставался с холодным лицом. Однако Тьюэллу больше нравилось общаться с профессором Фоули. Его не интересовали ни зелья, ни травы, ни прорицания; только при изучении проклятий, непосредственно связанных с усилением силы, он мог полностью погрузиться в беседу. Конечно, как самый выдающийся выпускник за всю историю Дурмстранга, он обладал типичными способностями лучшего студента, и его нелегко было поставить в тупик тонкими расспросами профессоров. После некоторого общения они также поняли, что этот новый молодой профессор не только вежлив, но и обладает не меньшим запасом знаний, чем они сами. По сравнению с заикающимся Чирро на другой стороне, выступление Тьюэлла больше походило на выступление настоящего профессора. В этот момент

у Большого зала поднялась суматоха. Под руководством префектов студенты начали входить в Большой зал, и волшебники со второго по седьмой курс уселись за столы своих домов. — Дурмстранг не делится на дома, верно? — с интересом спросил профессор Фоули, сидевший рядом с Тьюэллом. — Да, мы единое целое, без разделения на дома, только отдельные личности и школа в целом, — ответила Тьюэлл. Глядя на этих юных волшебников, обсуждающих радости летних каникул, трудно было понять разницу между четырьмя домами по их выражениям. Тьюэллу стало интересно, с какой целью они разделились на четыре дома. Неужели это делается для того, чтобы облегчить студентам создание альянсов? Дамблдор, который с улыбкой наблюдал за студентами, казалось, был весьма заинтересован в этом. — Тьюэлл, что вы думаете о системе домов в Хогвартсе? — Профессора привыкли к классификации четырех домов, поэтому им было любопытно, как к этому отнесется выпускник Дурмстранга. Тьюэлл на мгновение задумался, а затем негромко сказал: — Она несколько экстремальна. Новым ученикам всего одиннадцать лет, и они не могут проявить никаких особых черт характера. Разделение их на четыре разных дома, вместо того чтобы соответствовать их личностям, похоже, превращает их в учеников, полных стереотипов под влиянием домов. Соревнование между домами может способствовать прогрессу, но также легко привести к предвзятости. Эти предубеждения могут затмить другие качества, которые не соответствуют дому. Гриффиндорцы тоже могут стать храбрыми, Слизеринцы действительно могут быть преданными, жажда знаний Рейвенкло не уникальна, и амбиции учеников Рейвенкло тоже существуют. Но из-за существования системы домов эти черты не признаются. На самом деле все они являются членами Хогвартса, и навешивать на них ярлыки с застывшими стереотипами очень несправедливо. После того как Тьюэлл закончил говорить, за преподавательским столом воцарилась тишина, резко контрастирующая с шумными студентами, сидящими впереди. Через некоторое время Дамблдор одобрительно зааплодировал, вернув к реальности многих профессоров, погружившихся в раздумья. Они также слегка поаплодировали Тьюэллу. — Я рад, что в школе появился профессор с иными взглядами, — сказал Дамблдор. — Устранение барьеров между домами — это то, чего я хочу добиться, и для этого потребуются наши совместные усилия. Тьюэлл, я с нетерпением жду перемен, которые вы принесете в Хогвартс. Внезапные аплодисменты, раздавшиеся со стороны преподавательского стола, озадачили студентов. Они прервали оживленную дискуссию и растерянно посмотрели на профессоров. Однако ни один из них не подошел, чтобы объяснить причину аплодисментов. В следующий момент их внимание было отвлечено: церемония сортировки вот-вот должна была начаться!